

Глава XLII

Заря для других, для Джаспера ночь

Оставив так бесцеремонно после смерти бедного Невилля всех наших действующих лиц, вернёмся на несколько минут назад ради некоторых необходимых объяснений.

Решась вернуться после смерти молодого человека немедленно в Клоистергэм, добрый Минор-Канон был так поражен страшным отчаяньем Елены, что серьёзно стал раздумывать о необходимых сильных мерах, которые следовало принять для отвращения другого несчастья. Хорошо знакомый с подобными впечатлительными натурами, он тотчас же, посоветовавшись с доктором, который приходил навестить Невилля в день смерти его, и действуя по его совету, решился увезти Елену подальше от знакомой обыденной обстановки, так напоминающей ей потерянного брата.

Если сердечные чувства Мистера Криспаркля оставались неразгаданными для него доселе, то зато уж теперь он ясно читал в своём честном сердце. Сердце это принадлежало всецело чудной красавице; мягкосердный Каноник убедился в этом вне всякого сомненья, в то время как бледное цыганское лицо девушки лежало на руках его, переносимое из комнаты, где только что поселилась непрощеная гостья, которая подмела неумолимой косой своей юную жизнь, приготовляя из будущего праха одну лишнюю соломинку в стоге сена для грядущих поколений. Он убедился в этом по биению собственного замирающего тоскою сердца, которое приостанавливалось и замирало [вместе] с ее сердцем и снова начинало трепетать, когда она стала приходить в чувство. Так громко заявило о себе это чувство, распутившееся среди мглы и печали первых ужасных минут, как заявляет о себе яркий свет, являющийся посреди мрака и который остался бы незамеченным, быть может, утопая в волнах сияющего дня.

Всецело поглощенный мыслями своими об убитой горем девушке, Минор-Канон совсем было позабыл о назначенном свидании своём на вокзале железной дороги с Принцессой Курилкой. Он вспомнил об ней лишь садясь в вагон и услыша возле себя дребезжащий голос старухи, который приветствовал его словами:

«Добрый вечер Вашему Преподобию!»

Поспешив усадить её возле себя, он спросил немного сконфуженный:

«Вы долго ждали, моя милая?»

«Добрых часа два, Ваше Преподобие, но это ничего не значит; я готова была ждать даже целую неделю, и тогда бы еще всё не устала от одной радости, что вот-вот приближается благословенная та минута, что рассчитаюсь я с этим чертовым сыном, прося прощения у Вашего Преподобия, что упоминаю об его отце при вас».

Помолчав немного, Минор-Канон снова заговорил с нею:

«Меня удивляет, признаться¹, одно с вашей стороны, моя милая, как это вы могли так долго ждать и не приняли с первых же дней каких-нибудь мер к наказанию его? Я говорю о законных мерах. Полно, уверены ли вы в том, что не ошибаетесь, принимая его за другого? Джаспер ли погубил вашу дочь?»

«Благослови и люби вас Бог, Преподобный Ягнёночек, – восклицает она, – да неужели могу я ошибаться, примером сказать, в вас, которого и меньше знаю, чем того? Ошибаюсь! Да разве я для того хоронила в старом сердце своём проклятый образ его в продолжение целых восьми годов, чтобы позабыть его? Нет, нет! Я не забыла его и не ошибаюсь в нём, и он сам убедится в том очень скоро, хотя и не узнало меня *его* аспидное сердце! Да правду сказать, я и сама не узнала бы себя, коли перемена не происходила бы во мне на собственных глазах. Да одна из рук моих, что теперь скелет скелетом, – продолжает старуха, протягивая высохшую, морщинистую руку, напоминающую гнилой сучок дерева, – была в то время толще всего бедного тела моего теперь!»

Погруженный в собственные печальные мысли, Криспаркль почти не слышал ее болтовни. Согласясь с Грейджиусом в том, что старуха окажется главным свидетелем в уличении Джаспера, он не противоречил ей, когда та заранее наслаждалась, сопровождая замечания свои злобным хохотом – восторженной перспективой самых фантастических средневековых мучений и пыток, которые она выдумывала в распаленном воображении своём для Джаспера.

¹ Далее зачеркнуто: *сказать*.

«Вам кажется чудным, не правда ли, – продолжала Принцесса, подъезжая к Клоистергэму, – что я не требовала его в суд за гибель моей бедной Бетси? Но наказание, которое я желала для него, закон не мог бы дать мне. Да когда бы я только думала теперь, что закон возьмёт его из моих рук да сам накажет, то я бы сейчас же пешком вернулась в Лондон да опять бы засела в своем углу еще на другие восемь лет, ожидая терпеливо случая доконать его собственными руками! Не мешайте мне, молю вас Христом Богом о том, дорогой сэръ! Не старайтесь спасти его теперь, когда я добрела почти что до цели старой жизни своей. Не пугайте старуху тем, что, может, он еще выкрутится! Не то лучше мне сейчас же живой лечь в могилу!»

Рассеянно уверил её Минор-Канон, что ей нечего бояться, и, приехав в Клоистергэм поздно вечером, он тотчас же отправился с нею к себе домой.

Если бы настоящее Дрезденское украшение в виде Фарфоровой Пастушки было бы нечаянно окроплено водою, то оно не могло бы представить из себя более изящного вида, и капли воды не были бы прозрачнее капель слёз, оросивших доброе личико Мистрисс Криспаркль при внезапном известии о смерти Невиля. Но слезы эти были искреннее и горячее самой чистой воды, вот почему Септимус еще нежнее обыкновенного прижал сочувственную Пастушку к своему огорченному сердцу и долго целовал ее добрые, заплаканные глазки, говоря ей о горе Елены.

«Бедное, бедное дитя! – вздыхала Пастушка. – Надеюсь, она вынесет это тяжёлое испытание! Знаешь ли что, Септ? Нельзя ли её перевезти сюда? Хотя на время... Несчастливая девочка, мне её так жаль, так жаль. Я постараюсь, чтобы она нашла во мне мать на это время, мне так хотелось бы её утешить! Что ты скажешь на это, Септ?»

Предложение доброй старой лэди быть матерью для бедной Елены находит готовый отголосок в сердце Минор-Канона, мысли которого перескакивают немедленно через неизвестное еще ему пространство времени и останавливаются невольно на счастливой картине возможного будущего.

«Предложение достойное моей милой Ма, и я могу только сказать одно, что если не могу ни любить, ни уважать её более, чем уважаю и люблю теперь, то, по крайней мере, имею право еще крепче расцеловать её за эту готовность утешить бедную, несчастную сироту. Всё будет сделано по вашему желанию, дорогая моя Ма», – прибавляет Септимус с маленькой, естественной в влюбленных джентльменах хитростью.

Рассказав ей в нескольких словах о плане, составленном им с Грейджиусом насчет Принцессы Курилки, которая, ожидая во время этого разговора в полуосвещенной приемной, наслаждалась приятным препровождением времени в безмолвной, но выразительной пантомиме кулаков по направлению Дома у Калитки, Криспаркль попросил мать отдать приказание служанке, чтобы отвезть старуху в верхнюю комнату и уложить её покойнее на эту ночь. Затем, обещав дополнить объяснения к своему рассказу на другое утро, Минор уговаривает Пастушку лечь спать и отправляется сам на покой.

Два или три часа сна совершенно освежают Криспаркля. Встав с ласточкой, он спешит окунуться в глубоких водах маленького Залива и, лежа на спине на мягких голубых волнах, задумывается о том холодном зимнем утре, когда, увлекаемый непонятным предчувствием, он так странно нашел часы, принадлежащие убитому, по его мнению в те дни, Эдвину. Вся честная, благородная душа Минор-Канона возмущается при этом воспоминании, и в первый раз в жизни ненависть и презрение преодолевают в его чистом сердце лучшие чувства. Выйдя из воды, он одевается и прямо идёт к Дому у Калитки. В боязни своей встретить Джаспера и найдтись вынужденным заговорить с ним заставляют его сделать большой крюк, и он, спеша через задние переулки к обители Топов, входит, не оглядываясь, в комнату Дэтчери.

Он находит Седовласого, по обыкновению своему, одного, с тех пор как племянник его исчез неизвестно куда. Находясь не в состоянии отдать себе правдоподобного отчета в таинственных действиях оригинального холостяка касательно Джаспера,² Криспаркль инстинктивно понимает, что не одно эксцентричное желание вывести негодя на чистую воду заставляет Дэтчери преследовать Регента. Но он уважает эту тайну и с каждым днём всё более начинает уважать и героя оной. Приязненные отношения окрепли, и теперь Минор-Канон спешит к нему, чтобы посоветоваться насчет временного помещения Принцессы.

² Далее зачеркнуто: о.

Узнав о смерти Невиля, Дэтчери искренно сочувствует горю Криспаркля, но разговор продолжается на эту тему недолго, так как решив общим мнением, что лучше скрыть на время эту преждевременную смерть от Джаспера, если то возможно, и перевести так же тайно на несколько недель Розу и Елену в Клоистергэм или – что еще лучше – отправить их на несколько недель с доброй Пастушкой на воды куда-нибудь подальше, Криспаркль тотчас же приступает к цели посещения своего – о распоряжениях касательно мстительной старухи.

Узнав, что Принцесса, при имени которой Дэтчери почему-то изменяется в лице, желает скрываться в доме у Педларов, где, по ее словам, живёт близкая ей по родству девочка, холостяк, объяснив Минор-Канону, что ребёнок давно уже взят на воспитание неким Бробите, предлагает поговорить с этим старым джентльменом насчет временного приюта для старухи и, попросив Криспаркля пообождать, изъявляет желание сходить тотчас же к брату покойной супруги Великого Ума.

Но бедный, добросердечный Минор-Канон так пугается одной мысли остаться под одной кровлей с Регентом, прерывистые шаги которого глухо раздаются над их головами, что Дэтчери изменяет свой план и предлагает пойти вместе к Бробите, завернув по дороге к дому Криспаркля, чтобы предупредить Курилку о том и послать её вслед за ними к этому джентльмену.

Последний план приводится немедленно в исполнение. После секретного совещания с Мистрисс Криспаркль, цель которого состоит в просьбе Септимуса у дорогой его Ма дара для оборванной Принцессы в виде одного из «самых старых» пастушечьих костюмов ее, опасаясь, что иначе «Ее Высочество» может привлечь на себя внимание Джаспера, Мистрисс Криспаркль, у которой, по собственному выражению, «мозг начинает приходить в жидкое состоянье» от всех этих непонятных для нее совещаний и тайн, немедля отправляется в свою комнату, и тотчас же весь дом наполняется ароматами душистых трав от некоего отворенного гардероба. Через несколько минут Принцесса призывается к Минор-Канону, который с сконфуженным выражением в лице просит её не обижаться, но в видах общего блага и удовлетворительнейшего приведения в исполненье задуманного плана – переменить свой несколько помятый и слишком памятный для всех наряд на это старое, но более чистое платье. Платье, которое оказалось старым разве только в Фарфоровом Пастушечьем воображении, принимается Принцессой беспрекословно и тотчас же надето сверх собственного одеяния, но Ее Высочество положительно бунтуется касательно всякой перемены в «куафюре»³ и наотрез отказывается расстаться с приросшей как бы на голове старой шляпой.

«Нет, нет, ягнёночки, – говорит она жалобно, – не заставляйте бедную старуху расстаться с тем, в чем лежит вся сила ее последнего мозга. Без шляпы своей я стала б чувствовать себя как без головы. Я накину на неё платок, и никто не узнает меня».

Криспаркль и Дэтчери принуждены уступить, чтобы не терять времени. Впрочем, последний мало мешался в это дело, так как в продолжение всего разговора он был чрезвычайно заинтересован посторонним зрелищем в окошке; это зрелище привлекло даже столь пристальное с его стороны вниманье, что, когда он обернулся⁴ выходить,⁵ глаза его видимо покраснели от напряжения, к которому он был вынужден [прибегнуть], чтобы удобнее следить за освещенными солнцем предметами.

Почтенный Бробите с удовольствием согласился оказать им эту услугу, тем более что он подозревал, что то была та самая старуха, навестившая Педларов и о которой ему рассказывала маленькая Бетси, прибавляя, что она очень желала бы видеть её еще, так как та знала «ее маму».

Представив Бробите явившуюся скоро вслед за ними Принцессу, которая сильно напоминала в своем шелковом платье и громадной коленкоровой шляпке старомодную бричку с шелковыми новыми занавесками, восхищенные успехом оба джентльмена простились с Дядей Солем и разошлись у выхода.

Не теряя времени, Септимус снова бросился домой и счёл первым долгом, после предварительных обниманий и поцелуев, повергнуть добрую старую лэди в новое неописанное смятенье.

«Милая, дорогая Ма, – говорит он ей, – нам надо будет на время расстаться!»

³ головном уборе (*устар.*, *фр.* coiffure).

⁴ Далее зачеркнуто: *чтобы*.

⁵ Далее зачеркнуто: *его*.

«Расстаться, Септ?» – восклицает хорошенькая старушка, широко раскрывая на сына свои блестящие глазки.

«Только на месяц, не более, дорогая моя мать, только на месяц, не более», – отвечает Септимус утешительно.

«Но во имя всего удивительного на свете, Септ, что может еще значить эта новая затея?» – спрашивает изумленная лэди, кидая вокруг себя беспомощные взгляды.

Криспаркль решается, наконец, посвятить её во все так долго скрываемые от нее тайны. Он объясняет ей, почему в видах достижения наказания, которое оказалось бы достойным преступного Джаспера, им необходимо скрыть на время смерть Невилля и удалить с места печального происшествия Елену (имя которой он произносит заикаясь и краснея) и Розу. Но так как трудно было бы скрыть их присутствие и траур бедной девушки от зорких глаз Регента, то лучше всего было бы, если бы дорогая его мать согласилась съездить на воды куда-нибудь поблизости, куда он (Септимус) мог бы ездить каждую неделю, чтоб навещать свою милую Ма, и (тут еще раз заикнувшись) Криспаркль начинает расправлять вовсе не нуждающиеся в поправке ленты на хорошеньком фарфоровом чепчике.

«Но, – замечает Мистрисс Криспаркль, видимо, внушенная силою своей собственной женской логики, – если этот ужасный Регент наделал столько – оставь и не мни мне чепчика, Септ, – наделал столько преступлений, почему же его просто сейчас не повесят, зачем принимать столько хлопот и предосторожностей против него?»

«Милая Ма, необходимо уличить его сперва, а затем уж приступить к последнему процессу, – снисходительно отвечает Септимус. – К тому же Эдвин, слава Богу, жив, и поэтому Джаспера невозможно повесить. Но мы твёрдо решились преследовать его законным судом за все его преступные действия».

«Но ведь улика существует, и достаточная, по-твоему, чтобы доказать эти преступные действия. Так почему же медлить? Зачем не выходит Эдвин прямо и честно заявить свои права[?]»

Этот последний аргумент, видимо, выбивает Криспаркля из стремян. Не зная ровно ничего о намереньях Дэтчери, он не может поэтому сообщить их своей неумолимо Логичной Пастушке. Но так как он дал слово Эдвину Друду соображаться с желаниями Дэтчери, то, в силу данного обещания, кончает тем, что выходит победителем из борьбы и заставляет мать торжественно пообещать, что [она] будет готова к следующему вечеру уехать с Еленой и Розою.

Часто и тяжело вздыхает слабая Пастушка, но материнская любовь преодолевает, и она решается уступить.

Восхищенный Минор-Канон, расцеловав мать, насилу может дожидаться завтрака в своем нетерпении вернуться в Лондон, чтоб приготовить Розу – и – и Елену (он даже в мыслях своих заикается, выговаривая ее имя) к этой перемене.

К вечеру того же дня, повидавшись с угловатым другом своим, он отправляется к Мисс Кип и находит эту лэди в приемной. Заглянув в святилище Муз и увидев её там, Криспаркль чувствует сильное желанье уйдти незамеченным, опасаясь, что импровизаторша задержит его, по обыкновению своему, одной из быстрокрылых неожиданных поэм, но не успевает исполнить намерения. Услыша шорох, почтенная Сафо⁶ Сильвер-Сквэра подымает сияющую поэтическим светом голову, украшенную легучим черным бантом (в знак домашнего траура), и приветствует его грустным двустушием. От нее Минор-Канон узнает, к великому своему огорчению, что Мисс Ландлесс *решительно* не брала ничего в рот с самой минуты смерти брата и *положительно* отказывается оставить его комнату, сидя возле него и не отымая рук от покойного, а что Мисс Бёд умирает со страха, глядя на неё.

К счастью его, что в эту минуту является к нему на подкрепление Грейджиус. Оба джентльмена отправляются наверх и снова входят в комнату смерти.

Первое, что различает Минор-Канон при тусклом мерцании двух свечей, заставляет его отшатнуться назад, и слезы снова брызгают из глаз его.

Неподвижно лежит на постели неподвижная форма. Лицо умершего прекраснее еще в своём торжественном спокойствии, нежели было при жизни, а правая бледная рука обвивает шею другой неподвижной формы. Лицо последней лежит на груди его, и бледная щека живой касается бледной щеки умершего. Так мало разницы в этой прозрачной восковой бледности обоих и так

⁶ Сафо (ок. 630–572/570 до н.э.) – древнегреческая поэтесса и музыкант.

поразительно между ними сходство в эту минуту, что Минор-Канон невольно испускает легкий крик ужаса при этом зрелище, страшась найти двух умерших вместо одного. Этот крик пробуждает маленькую Розу, заснувшую от усталости и бессонной ночи, проведенной возле подруги на диване. С широко раскрытыми глазами от удивленья она вскакивает и, увидя опекуна, падает к нему на руки, рыдая. Но Елена не двигается.

Её принуждены высвободить во второй раз силою из объятий умершего, и при этом в ней просыпается вся пламенная, неудержимая кровь родного острова. С бешенством отчаяния вырывается она из рук Криспаркля, то проклиная его, то умоляя с дикими воплями похоронить её вместе с братом, внушая подозрение этим странным, хотя и искренним желаньем Грейджиусу, что несчастная молодая лэди безумствует под ошибочным впечатлением, что она всё еще находится на острове Цейлоне, где подобные необычайные для всякого европейца зрелища могут иногда свершаться.

«Елена, Мисс Ландлесс! – повторяет растерянный Криспаркль. – Придите в себя, опомнитесь, бедное дитя моё?»

Но Елена не слушает его и, вцепившись в тело Невилля, она уступает лишь в ту минуту, как изнуренный организм поддается слабости и она лишается чувств. Пользуясь этим счастливым случаем, Криспаркль уносит её в комнату Розы и не оставляет ни на одну секунду одной до самого утра. Так остаются оба джентльмена, каждый из них охраняя ту, которую он любит выше всего в мире; но как различно чувство любви в этих двух честных сердцах!

Едва рассвело на улицах, как Грейджиус поспешно распоряжается похоронами. Невиль уложен в гроб вместе с голубой ленточкой – и тело его отвезено на кладбище, где и положено во временную могилу.

К утру Елена делается спокойнее. Кризис миновал, и опасная гроза – как тропические быстрые грозы на ее родине – ослабевает, убитая своею собственной силой. Долго еще не утихнут бурливые волны печали до глубины своей потрясенного океана, но мало-помалу и они успокоятся под благотворными ласкающими лучами преданной любви Криспаркля и дружбы маленькой Розы.

К вечеру того же дня путешественник и две путешественницы пускаются в обратный путь, и затем хорошенькая Фарфорова Пастушка хлопчет возле них часть ночи, приготовляя всё нужное к поспешному отъезду и останавливаясь по временам лишь для того, чтобы нежно, с глубоко материнским чувством поцеловать печальное бледное личико убитой горем девушки.

Поселясь так неожиданно в доме Дяди Соля, Принцесса, которую маленькая Бетси тотчас же узнала к своему большому удовольствию, терпеливо стала ожидать минуты так давно задуманного дорогого ей мщения.

Осень приходила к концу. Желтые сухие листья поминутно отрывались от родных сучьев, падая на землю с тихим жалобным шелестом, как будто прощаясь навеки с сверстниками, приветствуя через секунду и их падение, и поочередно укладываясь в пушистый легкий ковер для старых ног Дяди Соля.

Но и его посещения в любимый сад сделались реже. Холодный, резкий ветер распоряжался теперь вместо хозяина в когда-то зелёных, но в настоящую минуту печально обнаженных кустах. Старик проводил большую часть своего времени в обществе видимо угасающей малютки и печально поглядывал вместе с Бетси из окна на увядающие гряды поблекших цветов.

Никогда не бывала счастливее маленькая девочка, как в те часы, когда, сидя между стариком и Принцессой, последняя рассказывала ей (не намекая, впрочем, на родство) об ее умершей матери, о детстве ее и болезни.

Если когда и приходило к ребёнку желание узнать что-нибудь о своём отце, то она всё-таки ни разу не намекнула о нём, а Принцесса тщательно избегала упоминать о чём-либо подобном.

Так проходили долгие дни и длинные осенние вечера. Бетси никогда не жаловалась, но когда с ней делались припадки острой, мучительной боли в маленькой груди или когда кашель схватывал её слишком продолжительно, то девочка тихо ложилась на постель и, закрыв глаза, лежала неподвижно и терпеливо. В подобные минуты Принцесса устремляла на неё полный

суеверного ужаса взгляд – до такой степени становилась она похожа на умершую мать, и, прячась за занавесы кровати ее, плакала, бормотала бессвязные слова и бешено потрясала кулаками, уподобляясь нераскаявшейся грешнице у ложа католической святой на древних литографиях.

Бробите недавно только узнал ожидающую бедного ребенка участь. Старый, единственный Клоистергэмский доктор, похоронивший много поколений пациентов, сладко покоящихся под древними буками Клоистергэмского кладбища, несколько раз навещал ее и всякий раз объявлял Дяде Солю, что у Бетси изнурительная детская лихорадка, поразившая лёгкие, и что ему недолго придётся ухаживать за ней; признаваясь тут же, что он мало понимает её болезнь, но что последняя принадлежит, по его мнению, к таинственному разряду так называемых «психических недугов».

Не удовлетворяясь подобным ученым термином, Бробите, сильно привязавшийся к девочке, сходил к Минор-Канону и, узнав от него адрес одного из лучших Лондонских Медиков, выбрал теплый день и свозил Бетси в город для консультации. Но результат оказался тот же. С этого дня ребенок стал быстро угасать.

Много раз вспоминалось бедному, одинокому холостяку мудрое решение, принятое им в юности еще, – никогда не иметь никаких сношений с теми, которых он не мог разгадать. Вся жизнь его прошла в избегании женитьбы и женщин как самых непонятных для него, таинственных существ. А тут, на старости лет, он привязался всеми силами своей любящей души к ребенку.

«Хоть бы к мальчику еще, – говорил сам себе Дядя Соль, вырывая давно исчезнувшие кудри, – а то к девочке, к маленькой женщине!.. Вот и нагрянули непонятные болезни... Теперь и плачь и тоскуй, старый дурак!»

Но подобные лестные эпитеты не могли вырвать из сердца его горячую любовь к малютке, и Дяде Солю приходилось переживать тяжелые часы.

Наступил и Декабрь с холодными пронзительными ветрами и морозными утрами, и накануне Рождества Бетси сделалось хуже.

Собрав с великим трудом несколько редких цветов, уцелевших в комнате, Дядя Соль понёс их к своей любимице и, положив их к ней на маленькую кровать, сел у ее изголовья.

«Дядя Соль, – произносит девочка слабым голосом и обвивая шею его худенькими ручками, – как вы думаете, будут такие цветы или нет в Небесных Садах?»

«Надеюсь, моя крошка, что там найдутся и лучшие, только тебе еще долго придётся ждать, пока ты станешь рвать их там!»

Бетси грустно качает головою и произносит:

«Нет, не долго... а очень, очень скоро. Мы ухаживали за нашими красивыми, дорогими цветами в саду вместе, а весной вы будете ухаживать за ними один, Дядя Соль! Не жалеете о том, а помните только и никогда не забывайте, – продолжает она, серьёзно смотря на него своими большими голубыми глазами, – что пока вы станете сеять их здесь, я буду готовить для вас лучший, еще прекрасный сад – там! Бог не станет мешать мне в этом, я знаю, потому что Ему известно, как любите вы цветы и как вы были добры и ласковы к бедной, нищей девочке! Вы позволили ей разделять с вами земной сад – и за то она приготовит вам Небесный. О! Как счастливы будем мы там с вами, гуляя вместе с мамой... Не правда ли, Дядя Соль... дорогой?»

Но Дядя Соль, дорогой, не отвечал ей. Дядя Соль рыдал, как старый мальчик, и не старался скрывать своего горя.

«Вы не должны плакать, – утешает его ребёнок, – право, не должны, если любите меня... Дайте мне поцеловать ваше доброе, милое лицо, Дядя Соль, и я утешу вас!»

Он заключает её в свои объятия, и так сидят они более часа, старик, прижимая к своей груди единственное любимое им существо, кроме матери, а ребёнок, обнимая и целуя единственного милосердного человека, который сумел усладить несколько последних дней ее короткой, но столь горькой жизни. Бетси заснула на его руках, и старик боится пошевелиться, чтобы не потревожить её сна.

К сумеркам в комнату входят мать Бробите и Принцесса. Поняв безмолвный знак, они тихо садятся возле кровати и не тревожат сна Бетси. Но этот сон делается тревожнее, несмотря на тишину, и ребёнок, открыв внезапно глаза, обращает их на Бробите, восклицая:

«Я хочу видеть отца моего! Я должна видеть его! Мама не велит мне умирать, прежде чем я не увижу его!»

При этом странном, неожиданном желаньи ее видеть человека, который так далёк от них, Принцесса и Бробите переглядываются в безмолвном удивлении.

Лицо старухи принимает свирепое выражение ненависти, а Дядя Соль молча опускает глаза.

«Не тревожься, успокойся, моя дорогая девочка, – говорит, лаская её, Бробите. – Но какого отца хочешь ты видеть? Разве ты знаешь отца своего?»

Странная, загадочная улыбка является на лице ребёнка.

«Дядя Соль, – говорит она, – разве забыли вы то, что сказала я вам раз в саду? Я давно знаю, кто отец мой... Он тот человек с бледным, белым лицом и черными глазами, который приходил к Фопперти... Я должна, должна его видеть!»

Напрасно Бробите, чувствуя как неприятно было бы для всех подобное появление в доме и как вредно могло оно оказаться для самой Бетси, старается отговорить ребёнка. Она начинает метаться и плакать, но настаивает на желаньи, повторяя всё одно и то же, что «мама ее хочет того».

«Но почему ж ты думаешь, Бетси, – говорит ей, наконец, Дядя Соль, – что тот джентльмен – отец твой? Он никогда не обращался с тобой, как если бы был твоим отцом? Что заставляет тебя так думать... и почему ты знаешь?»

Она бросает на него недетский взгляд и, помолчав, отвечает, как бы говоря во сне:

«Кто говорит цветам о том, кто создал их? Почему наш большой подсолнечник, что растет у крыльца, повертывает желтое лицо свое к солнцу поутру, а затем всё крутится с ним и следит за ним целый день, пока солнце не зайдёт за Собор? Он чувствует, что солнце – отец ему, хотя никто не учил его тому... Так и со мною. О, дядя Соль, дорогой мой, не отказывайте мне в этом. Прошу вас, пошлите за ним! Мама хочет знать, поцелует ли он меня, когда увидит, что я умираю, и я хочу попросить его поцеловать своего бедного ребёнка!..»

И маленькая Бетси начинает горько рыдать.

Свирепое лицо старухи делается еще свирепее, но она не произносит ни слова и не мешается в разговор.

Видя горе ребёнка, Дядя Соль соглашается на ее просьбу и обещает завтра же послать за ним.

Бетси тотчас же перестает плакать и горячо начинает целовать старика, прощаясь с ним и замечая, что она теперь уснёт.

«Теперь пойдите и отдохните, Дядя Соль, – говорит она, – не бойтесь оставить меня одну... Со мною останется мама».

Заметив, как странно блестят глаза девочки, Бробите приписывает ее последнее замечание бреду; он собирается уходить, прося уйдти и других, но втайне обещая себе не оставлять её одну.

В соседней с ее комнатой каморке спит Принцесса, и так как она обещает ему не оставлять в этот вечер своего угла, то, поцеловав еще раз ребёнка, он уходит с матерью.

В эту ночь, когда всё в доме утихает, тихие шаги раздаются по лестнице и старик сходит вниз, неся с собою кресло. Поставив его осторожно у дверей комнаты ребёнка, он садится в него и проводит в этом положении без сна долгую зимнюю ночь. Внимательно прислушивается он к малейшему звуку и в продолжение многих часов слышит лишь одно слабое, но ровное дыхание девочки, готовый при малейшем стоне больной тотчас же явиться на помощь. Материнское сердце бьётся в эту ночь в груди у старика, и горькие слезы утирает он не один раз. Так проходят часы, наступает утро.

Он тихо встаёт и так же тихо входит в комнату. Рождественское утро освещает ее худое бледное личико, но ясная улыбка раскрывает детские уста, и светлый Ангел Смерти только издали пока навевает на неё Небесные грёзы в тот самый час, как преступный отец ее борется в ужасном сновидении с демонами угрызения, но не раскаянья!

Так же тихо выходит, как и вошел, Дядя Соль, не потревожив сна малютки, и поспешно направляется к разрушенному дому Мистера Фопперти Педлара.

Он находит его вставшим, хотя родительница еще почивает, объявляя во всеуслышанье и о собственных грёзах громким прерывистым храпением.

Фопперти с удивлением подымает голову и первый вопрос его о Бетси.

Старый джентльмен объясняет ему в нескольких словах об удивительном желании больного ребёнка, спрашивая совета Фопперти, как лучше приступить к этому щекотливому поручению.

[Последний], испутив долгий и многозначительный свист, сильно задумывается.

«Я обещал ей это, хотя, честное слово, не знаю, как выполнить обещание. Не думаю, чтобы бедная малютка прожила много еще дней. Может быть, вы согласитесь повидаться с Мистером Джаспером и привести его ко мне? Грешно было бы ему не исполнить последнего желанья умирающего собственного его дитяти! Но всё же мы не можем принудить его!»

«И вы говорите, что Бетси действительно желает этого?» – задумчиво произносит Фопперти.

«Я уверен в том и знаю также, что отказ с его стороны может оказаться ей губительным».

«Так можете пойти сказать ей, что он будет у нее через несколько часов!» – решительно отвечает Мистер Фопперти.

«Если только не откажет вам наотрез...» – грустно замечает старик.

«А коли откажет, – бешено восклицает Педлар, – и не пойдет по доброй воле, то я принесу его вам в мелких кусках, – будь он проклят! Ручаюсь вам в том, что придёт», – продолжает он, потирая громадные кулаки ладонь об ладонь, как бы желая заранее познакомить Бробите с операцией, которой подвергнется Джаспер, чтобы явиться в мелких кусках в дом Дяди Соля.

«Благодарю вас, Фопперти, и надеюсь, что вы не найдете себя вынужденным к такой крайности», – говорит довольный успехом своим Бробите.

Читателю известно уже как выполнил свое обещание Фопперти Педлар.

Войдя в дом старого Бробите, гигант, не отымая рук от Джаспера для большей безопасности, отворяет дверь приёмной, толкнув её ногой, и, посадив Регента на стул или, скорее, швырнув его в него, становится сам у двери в виде почётной стражи и посылает отворившую им удивленную Бритву наверх за хозяином.

Бробите не заставляет себя долго ждать и, войдя в комнату, обращается, слегка поклонившись, прямо к сидящему в угрюмой задумчивости Джасперу.

«Извините, сэр, – говорит он ему учтиво, но очень холодно, – если вас потревожили по просьбе умирающего ребёнка. Вам лучше знать, почему она так желает вас видеть».

Не отвечая ни слова, бледный и весь дрожа, Джаспер встает и молча следует за Дядей Солем.

Взор Дэтчери впился в его память огненными чертами, а совесть неустанно нашёптывает последние слова Пеккрафта:

«Да поможет Господь Бог злополучному грешнику!»

Со словами этими, звучащими у него в ушах как похоронный колокол, входит он в комнату Бетси и, подходя к кровати ее, те же слова раздаются возле него в тихом шелесте приподымающейся на смертном одре девочки.

Она медленно поднимает на него свои голубые, полные кротости глаза и тихо произносит:

«Благодарю вас за то, что пришли к умирающей девочке, которой очень, очень хотелось видеть вас!»

Отчего теперь так быстро подымается на неё его доселе упорно опущенный взор,⁷ так пристально и дико вглядываясь в бледное детское личико? Почему лицо его покрывается такой смертельной бледностью, глядя на неё, но не отвечая ни слова, как если бы с ним говорило виденье с того света, и почему так дрожит рука его, отирая с похолодевшего чела крупные капли выступившего пота?

Не узнаёт ли он в этом болезненном лице и исхудалой фигурке другое лицо давно умершей женщины, почти ребёнка, как и эта девочка, – лицо, обращенное к нему с такой отчаянной мольбой и с такой преданной любовью? Не слышит ли он в этом нежном голосе другой голос, который, силясь произнести его имя с проклятием – это имя, которое было столь же ложно, как и его жестокое сердце, – шепчет его с отчаянной любовью и повторяет его даже с последним вздохом?

Голос ребёнка снова раздаётся среди всеобщей тишины и заставляет его еще сильнее содрогнуться. Он жалобно спрашивает его, неужели не чувствует он к ней ни искры любви теперь, когда она умирает?

Почему взгляд его делается еще неподвижнее и пристальнее, слыша этот вопрос, и уста остаются беззвучными, между тем как он силится ответить ей, но не может? Разве память опять переносит его к другой такой же сцене, много лет как случившейся уже, когда умирающая женщина смотрела на него, как теперь смотрит на него это дитя, с любовью и прощеньем в

⁷ Далее зачеркнуто: и.

кротком взоре и спрашивала, как она спрашивает, неужели не любит он её и в эту минуту, когда она умирает?

Но что это, что становится как будто между им и грустно глядящим на него ребенком? Это *Что-то* явилось неслышно и внезапно – и стало возле изголовья его в виде Покровительственной Тени. Другие не замечают её. Он не может различить в этой Тени лица, и однако же – он чувствует на себе взгляд этих невидимых, но всё-таки устремлённых на него глаз. Что это такое, это неосязаемое *Что-то*, грозная прозрачная Тень, неподвижная, но заставляющая его невольно сознавать свое присутствие?

Он силится ответить ребёнку, но сознание *Ее Взгляда* останавливает снова его и поражает немотью. Он чувствует непонятное ощущение, он чувствовал его один раз и прежде, но никогда с такую силою – как будто бы растопленное олово обращается в жилах его вместо крови, а мозг начинает двигаться и гореть, и он стоит как бы приросши к месту и смотрит на ребенка, но не может ни двинуться, ни заговорить.

Не слыша от него ответа, Бетси манит к себе старика и просит помочь ей привстать на подушках. Нежно и ласково исполняет желание её Дядя Соль и удаляется в отдаленный угол.

«Я не беспокоила бы вас, – продолжает девочка, – если бы не чувствовала, что недолго мне жить на этом свете и что я иду к Небесному Отцу, который не откажет мне в жилище и приюте, в котором отказывал мне при жизни родной отец мой. Но я желала, прежде чем расстанусь с ним навсегда, сказать ему, что я прощаю ему всё то зло, которое он сделал мне и бедной маме моей. Я должна была видеть вас; так хотела мать, дорогая моя мать, которая приходит ко мне каждый день во сне, и она велела мне сказать вам, что когда я умру и буду с ней, то стану всегда молить Бога, чтобы простил Он вам и сделал бы вас менее злым».

Как может это Грозное *Что-то* так глядеть на него, еще пристальнее и суровее, когда он не видит ни глаз, ни лица Его, ничего кроме смертельного чувства Его присутствия?

«Когда унесут меня Божьи Ангелы на Небо, я стану молиться там за вас и стану просить и маму, чтобы и она молилась за вас также. Не знаю отчего, но хотя вы всегда ненавидели меня, я же чувствую, что люблю вас и жалею вас, – может потому, что вы отец мой!»

Она умолкает, как бы всё еще ожидая ответа; губы его шевелятся, но сам он не произносит ни слова.

Он чувствует опять, как устремляются на него глаза Грозного *Что-то*, и в нём начинает вселяться странная мысль, будто кровь его превращается в кипящий источник, брызгая из скалы, в которую он превратился сам. Огненные волны продолжают подниматься все выше и выше,⁸ зажигая мозг его, пока, наконец, они не пережигают его до самого основания! Но он всё-таки сознает присутствие Грозного *Что-то*, глаза которого не отымаются от него, сурово устремленные из Невидимого Лица!

Старик и ребёнок начинают оба замечать, как странны действия Джаспера в эту минуту, но не понимают причины к тому.

«Почему, о... почему не хотите вы ответить мне, – продолжает жалобно Бетси. – Неужели вы откажете даже в одном ласковом слове вашей умирающей девочке? Вспомните, как целая жизнь моя прошла среди горя, незаслуженной брани и холодности. Кто может отказать даже чужому ребёнку в последнем поцелуе, если он просит о нём, умирая? Зачем же вы, отец мой, отказываете мне в этом утешеньи... О!.. – восклицает слабым голосом несчастное дитя, протягивая к нему худенькие бледные руки свои, и с горячими слезами на грустном личике. – О, неужели вы в самом деле не захотите и теперь обнять меня и полюбить в эту последнюю минуту? Подумайте, как рада будет мама, когда узнает, что вы полюбили, хоть и поздно, вашу маленькую девочку! Не смотрите на меня так страшно. Подойдите и поцелуйте хоть раз в ее жизни вашу Бетси!»

Ради Бога... Что это делает теперь возле ребёнка Грозное *Что-то*! Как может Оно разрастаться до таких размеров, что способно медленно и тщательно как бы окутывать умирающую девочку с ног до головы своей прозрачной, тенистой формой и всё-таки не отымать с лица его пристального огненного взгляда, пронзающего его насквозь из Невидимых Глаз?

Не мудрено, если старик и Бетси с удивленьем смотрят на него, не слыша ответа от этого человека, так дико вперившего глаза на что-то, чего они не видят.

⁸ Далее зачеркнуто: и.

«Отец! – начинает снова рыдающая малютка умоляющим, нежным голосом. – Я сказала вам, зачем я так хотела видеть вас. Если нет уж в вас ни нежности, ни сожаления для меня, то неужели не чувствуете вы хоть одну, только одну, крошечку любви к моей бедной умершей маме? Я знаю, как любила она вас! Кому лучше знать это, как не мне, которой так много рассказывала она про вас в снах моих; разве не видала я каждую ночь в лице ее столько горести... О, как много горя! Но всё-таки, говоря про вас, я видела и знала, что она любит вас и прощает. Я не знаю, какое вы сделали ей зло, но знаю, что она умерла по вашей вине».

Он не видит более перед собой лежащего ребёнка, хотя и смотрит на неё, слышит и понимает ее слова, но голос ее изменился, и ему кажется, будто говорит уж не она, а кто-то другой, стоящий над нею. Да... теперь ее место заняло это Грозное *Что-то*, и Его прозрачная, туманная Тень легла туда, где лежал до того времени умирающий ребёнок, – и Оно всё еще смотрит на него, обернув к нему прямо Невидимое Лицо.

«Я так надеялась, – продолжает голос девочки, но не она сама, – что, может быть, еще сохранилась в сердце вашем хоть одна капелька любви к маме и что вам было бы приятно, зная, что я иду к ней, послать ей со мною хоть какое-нибудь ласковое слово или привет... Отец, мой дорогой отец, молю вас, подарите меня последним, единственным поцелуем для нее, и я сохраню его так верно и тщательно, что ни малейшее дуновение ветерка не дотронется до него, пока не передам я его ей на Небе!»

Грозное *Что-то* отделилось теперь от девочки и направляется прямо к нему. По мере приближенья Своего Оно увеличивается в размерах – растёт всё более, пока, наконец, Оно [не] закрывает перед ним всё, кроме Самое Себя. Кровь в жилах брызжет с удвоенной силой теперь, заливая кипящими огненными волнами своими шевелящийся и как бы трепещущий мозг... Присутствие Оного уже почти касается его, и он замечает в эту минуту, что у Него есть две руки, различая их ясно, в то время как они медленно поднимаются в воздухе, раскрываясь, как бы желая заключить его в свои туманные объятия. Джаспер пятится, трепеща всем телом, и глаза его вылезают почти из головы от ужаса... Вот он чувствует уже холодное прикосновение и руки сжимаются вокруг его тела, обвиваясь туманными облаками,⁹ – в эту самую секунду фонтан брызгает на мозг, обливая его целым океаном огня...

Бробите и Бетси видят, как хватается он за голову, как трепещет он, птясь всё далее и далее к стене, и двойной крик ужаса вырывается из груди обоих, когда он схватывает стоящий возле него стул и, высоко подняв над голову, бросает его как бы в невидимого врага, разбивая об пол в мелкие дребезги. Затем они слышат пронзительный дикий вой, и, испустив его, он и Грозное *Что-то*, от объятий которого не освободиться ему во всю остальную жизнь его, бросаются бешеным бегом из открытой двери на крыльцо, а затем на улицу! Небо послало единственную преграду, видимую для всех, между им и Рукою Мщенья, о которой упомянул Дэтчери, – потому что с этой минуты Джон Джаспер осуждён до последней минуты жизни быть бешеным сумасшедшим!

С руками, всё еще вцепившимися в голову, безумный летит, как молния, через улицы и переулки, отгоняя от себя что-то и воя, как дикий зверь. Целые толпы бегут за ним, но он далеко перегоняет их, и нечеловеческие вопли, испускаемые им безостановочно, приводят в смятение и страх целый город... Вот мелькнул он вдали, исчез, вот снова показался и, ударясь со всего размаха о каменный столб, падает на землю, весь облитый черной горячей кровью, которая дымитесь возле него на мёрзлом дёрне и застывает.

Толпа догнала его и окружила мигом. Из-за угла показывается Дёрдльс, направляясь к городской стене; он несёт тщательно завязанный обеденный узел свой, из которого выглядывает протестующая нога зарезанной на Рождество индейки и горлышко любимой плетёной бутылки.

Двое сильных мужчин приподняли несчастного Джаспера и, прислонив в сидячем положении к столбу, поддерживают ему голову.

«Ради Неба, – кричит кто-то из толпы, зовя Дёрдльса по имени, – что нам делать теперь с ним?»

Если бы Дёрдльс имел обыкновением когда-либо выразить искренно тайные мысли свои, то он ответил бы им советом, отправить Джаспера хоть к самому черту, коли не найдут лучшего места для него. Но после минутного колебания он решается подойти и, взглянув на Регента, философически изрекает следующее мнение:

⁹ Далее зачеркнуто: *и*.

«Коли бы этот вот малый да приходился чем-либо по родству Дёрдльсу, то Дёрдльс тотчас же посоветовал бы вам снести его в ближайший дом, пока не отыщут *дохтура*. Вот что сделал бы первым делом Дёрдльс».

В эту самую минуту отворяется окно из углового дома, и какая-то добрая душа кричит им перенести его к ним. Но Джаспер пришел в чувство, и требуется невероятных усилий со стороны полудюжины здоровых работников, чтобы сладить с бешеным. Но они успевают, наконец, одолеть его и, связав толстыми веревками руки и ноги, переносят в дом.

Через несколько минут является доктор, за которым кто-то успел сбегать; осмотрев внимательно безумствующего Регента, доктор многозначительно качает головою и советует тотчас же предупредить власти, чтобы поскорее перевести его в Дом Умалишенных, оповестив предварительно о случившемся друзей его или родственников.

При последних словах визгливый голос раздается из-за собравшейся толпы, и отвратительный малый мальчик восклицает тоном насмешливого торжества:

«У Джарспера нетути друзей... Был один родственник, да он и того спровадил! Небось, никто не станет жалеть о нем, окромя *Тонсезов* да Кин-фри-драла!»

Обернувшись и заметив Дёрдльса, доктор просит его сходить к Минор-Канону и пригласить для совещания по этому грустному случаю.

Так рассуждает сам с собою Мистер Дёрдльс, шагая по направлению к жилищу Криспаркля:

«Мое мнение по причине этого “грустного случая”, как называет его *дохтур*, таковое: когда бы Дёрдльс, да с первых разов, познакомился с Мистером Джаспером как с “Костлявым” вместо того, чтобы познакомиться с ним как с “лукавым”, то оно бы вышло куды как лучше для Мистера Джаспера. Видно, пришло и его время, как приходит оно и для всего другого!»

Последнее мудрое размышление навод[ит] почтенного джентльмена на ту мысль, что время пришло для него также хлебнуть из плетёной бутылки, [и] он останавливается под первым встреченным им гостеприимным портиком. Объяснившись с «плетёной», он идет объясниться и с Минор-Каноном.